

«ВСПОРХНУЛА»

Лежала я в стационаре. Впервые тогда оказалась нетрудоспособной. За окном – весна, птичьи трели. А для меня мир померк, досадно, пакостно на душе.

И вот 1 мая рано утром в палату вошла женщина лет семидесяти. Вошла по-хозяйски, словно она здесь провела не один десяток лет (как потом выяснилось – верно, в качестве сестры-хозяйки больницы). И в то же время вся её фигура выражала крайнюю степень смущения, что своим приходом беспокоит больных, отрывает от утреннего, так всегда сладкого сна. Но какой уж здесь сон, когда солнце в окно бьёт прямыми лучами, а из головы не выходят слова-наставления, сказанные накануне больной матерью дочери во время посещения: «Люди уже огороды вспахали, грядки сделали. А я лежу здесь».

У меня мысли в голове: как выйти с наименьшими потерями из сложившейся ситуации, усмирить боль. А здесь бабулечка придумала себе страдания. В то время, когда с северной стороны огородов ещё сугробы дотаивают. А трактора если и будут пахать, то непременно увязнут плугом в весенней жиже огорода.

И тут свежий человек «с воли». Всё развлечение: разговоры, запись новых рецептов для полного выздоровления независимо от возраста и диагноза. В посёлке-шеститысячнике проживаю с мужем четырнадцатый год, работаю в школе, муж и сестра на градообразующем предприятии трудятся, мы знаем практически всех: и детей, и взрослых, и нас – не меньшее количество поселковых. Но «свежую» больную я не могла вспомнить.

Раиса Григорьевна, «наша новенькая», при ближайшем знакомстве оказалась замечательным жизнеутверждающим человеком. Свои боли и страдания самоотверженно прятала за оптимизмом и самоиронией. Лёгкость, с которой она повествовала о своём житье-бытье, настолько очевидна, что на время забываются собственные болевые ощущения. Как говаривал мой покойный папа о таких людях: «Если в окопе есть солдатик с таким характером – победное наступление в бою обеспечено». А уж как они необходимы в критических ситуациях мирной жизни.

Я, слушая её рассказы о послевоенной юности, словно проживала «сороковые-роковые», которые и в глубоком тылу были «с тоской и болью пополам». А с каким трепетом повествовала Раиса Григорьевна о своей школьной и, как оказалось, единственной на всю жизнь любви – Владимире. Он ростом выше всех был уже в школе, но выделялся в классе и самыми высокими показателями в учёбе. И, чтобы не мешал ни ростом, ни шалостями впереди сидящим, его место в классе было «на камчатке».

Что такое «камчатка» – современное поколение next-ов и facebook-ов не догадывается. Впрочем, и с географией, судя по ситуации в образовании страны, далеко не все тинэйджеры дружат.

А я-то помню, что у нас в классе эти «неприкасаемые» места отводились «почётным» многогодникам. Так, в третьем классе нас дождался тринадцатилетний «митрофанушка», который занял эту самую «камчатку», откуда весь год обстреливал нас из трубочки овсом, так как мать у него работала конюхом. Мой затылок до сих пор помнит боль овсяных пуль. Мы по окончании учебного года, расстрелянные старшим товарищем, пошли дальше грызть «гранит науки», а он остался с радостью поджидать «племя младое, незнакомое», уже заранее подводя их под расстрельную статью.

Вот такую «камчатку» занимал Владимир (сейчас Антонович), первый ученик школы послевоенного выпускного, то есть абсолютный отличник, балагур и весельчак, душа компании, ростом под два метра.

– На выпускном вечере наша класная руководительница выразила надежду, что наше увлечение друг другом сохранится на всю жизнь. И мы её не подвели, – с гордостью, радостью и грустью о скоротечности времени вещала Раиса Григорьевна.

Спустя полгода после выписки моя сестра встретила Раису Григорьевну на улице в страшный гололёд. Та – больная, семидесятипятилетняя женщина, имеющая в своём анамнезе богатый послужной список всех мыслимых и немыслимых болезней – сказала сестре: «Знаешь, Зиночка, я сейчас переходила проезжую часть, поскользнулась и... вспорхнула».

На нашем бытовом языке – упала, грохнулась, завалилась на бок. Да – как угодно.

В этом «вспорхнула» – вся Раиса Григорьевна!

Здоровья Вам, уважаемая, долгие лета.

НЕ БЛАГОДАРЯ, А ВОПРЕКИ

Соседская девчонка была так себе – ничего. Вернее, ничего привлекательно-го себе не оставила, всё раздарила по щедрости душевной своим двоюродным сёстрам и братьям, которые удались на славу. А она – конопатая, большелобая на пол-лица, с двумя крысиными хвостиками-косичками. Сколько её помню – коленки всегда сбиты до не проходящих корост.

Выросли, разъехались. Я уже и думать забыла о существовании Конопатой, так её во дворе кликали. И ведь отзывалась же...

Иду как-то по улице южного городка, размлела от непривычно тёплого солнца, морского бриза, отпускного ничегонеделания. Счастье... И вдруг до боли знакомый голос: «Привет, землячка! Как тебя сюда занесло – ветром отпуска или трудовых будней?».

Передо мной стояла элегантная женщина без возраста. Я сразу почувствовала свои лишние килограммы, так и не согнанные перед отпуском, но ещё больше – свои глубокие морщины, получившие постоянную прописку на моей загорелой физиономии, словно следы боёв прошедших лет.

Возраст Конопатой выдавала... да нет, скорее, подчёркивала мудрость, струящаяся из глаз. Статная, элегантно одетая, несмотря на южную жару, с причёской на голове – волосок к волоску. Узнала я её только по голосу, который не меняется с годами. Ахи-охи, как всегда в таких случаях бывает. Воспоминания...

Она пожертвовала своим обеденным перерывом (ограничилась стаканом сока).

В разговоре узнала, что работает Конопатая (как-то и неловко её теперь так называть), ни много ни мало, в департаменте культуры края, курирует дела, связанные с изобразительным искусством.

Уже прощаясь, мы вспомнили с ней историю, часть которой была покрыта тайной.

Мы, недоедавшие восьми-десятилетние заморыши рождения послевоенного, знали цену любой сладости. Это из того времени кем-то придуманная присказка:

– Мама, купи мне конфеты «Золотой ключик»...

– На тебе, дочка, «Железный ключ», – и подаёт кулёк из серой оберточной бумаги с круглой карамелью в сахаре «Крыжовник», о которую не только наши молочные зубы ломались, но и отцовы металлические крошились.

Но даже при таком раскладе мы тянулись к красоте и уюту. Думаю, больше всех из нас хотела эстетики Конопатая, девочка с невзыскательной внешностью. Каким-то путём, сэкономив на школьных перекусах, походах в кино, она завладела неслыханным капиталом – 60 копеек. Это даже не полтинник, а на целых 10 копеек больше! Что можно было приобрести на эту сумму в далёкие 60-е? Двести граммов шоколадных конфет или полкило карамели, четыре порции шоколадного мороженого в стаканчиках или 750 граммов фиников. Это – когда в доме не всегда сахар есть. Лакомством на последней неделе перед зарплатой родителей бывает ломоть серого хлеба, сдобренный растительным маслом и присыпанный крупной солью («Экстра» хранилась для торжественных случаев).

А эта чудачка пошла в «райпушку» – магазин райпотребсоюза и купила там... набор картин русских художников XIX века на мелованной бумаге. С каким трепетом она перекладывала эти репродукции, любуясь красками. Показывала их во дворе, но не всем, а только тем, в понимании кого была уверена. Мы, сопя носами, восхищались поленовским «Заросшим прудом», содрогались от «Княжны Таракановой», жалели «Детей, бегущих от грозы». Чувствовали на языке вкус винограда, рассматривая картину Карла Брюллова «Итальянка, снимающая виноград». И даже известное по обложке «Родной речи» 3-го класса «Утро в сосновом лесу» Шишкина видели иначе, чем на уроках чтения.

Но мы недоумевали, почему здесь, среди этой немыслимой красоты, находится картина какого-то Петрова да ещё (фу!) – Водкина. «А пацаны-то голые...», – протянула одна из сверстниц, у которой было четверо братьев и все мал-мала меньше. Это зрелище её озадачило – зачем тратить краску и бумагу на то, что и так её окружает каждый день в очень неприглядном виде, особенно когда меняет грязные штаны будущим защитникам Отечества, как любовно называет своих сыновей папка.

Вот этот Петров – да ещё и – Водкин стал поводом домашнего скандала. Мать, строгих правил женщина, покачала головой, узнав цену искусству. Промотрела все репродукции. А на последней взгляд матери потемнел. «Не рано ли ты об этом задумалась?!» – словно пощёчину отвесила. С ожесточением смяла мальчишек и бросила в угол, поближе к печной дверце. А потом сидела некоторое время молча, опустив усталые плечи и сложив натруженные от не-

популярной работы руки. Что-то не укладывалось у неё в голове...

А Конопатая ещё больше стала интересоваться изобразительным искусством, читать книги, записывать свои наблюдения. Наступила пора определяться с профессией. Зная, что её не поймут ни в семье, ни в обществе, получила вполне земную и почётную в то время профессию учителя истории. А потом защитила кандидата наук по истории искусства эпохи Возрождения. Прошла свой путь от пионервожатой до краевого департамента культуры, не расставаясь с изобразительным искусством. Сама никогда не держала кисти в руках, но с лёту могла прочитать лекцию по любому разделу живописи, сделать качественный анализ картины.

Смеясь, на прощание заметила: «Ещё неизвестно, как сложилась бы моя судьба, если бы не мамина жёсткая оценка работы Петрова-Водкина. Я ведь после того случая поклялась себе, что буду знать об изобразительном искусстве всё!».

И, похоже, слово своё она сдержала...

ТЁТЯ ДУСЯ

Пожалуй, самой колоритной личностью среди соседей в наших двух восьмиквартирниках была тётя Дуся со своим сыном Вовкой.

Первое знакомство в ту далёкую пору второй половины XX века с соседями проходило незатейливо, в момент переноса нехитрого домашнего скарба. И сразу же все соседи слышали гортанный окрик: «Вовка! Паразит такой! Опять мамочку родненькую не слушаешься!!!». Шокировало «паразит» и «мамочка» – рядом. И так по жизни...

А соседский Борька после первого визита к ним поведал друзьям: «Пацаны, что я сейчас видел! Зашёл познакомиться с хозяйкиным сыном. Шифоньер стоит в центре комнаты. Пацан вокруг него бегаёт, а его мамка за ним с кухонным ножом в руках, которым масло на хлеб намазывала, чтобы Вовку накормить, и кричит: «Паразит такой!», а пацан открыл дверцу шифоньера и – нырк в него. А я – бежать домой, чтобы под раздачу не попасть».

Тётя Дуся – женщина уже пенсионного возраста – сколько помню, всегда была в работе. Ночной сторож на участке Промплощадки свинцово-цинкового комбината, где и если можно было что-то украсть, то разве что многотонный экскаватор, который там стоял и до её прихода, и после. Но обязательным атрибутом было ружьё. Его место в углу сторожки.

– Тётя Дуся, а вы из него стреляли хоть раз?

– В кого стрелять? Там даже вороны не летают, а люди и подавно не ходят.

Придёт с ночного дежурства, по-соседски зайдёт к нам, ей предлагаем приесть:

– Устали после смены, небось.

– Да я за ночь все бока отлежала. Шерсть перебрала, теперь буду прясть. Вовке надо носки и варежки вязать к зиме, из старых-то он вырос за лето. Сегодня хорошее дежурство было, спокойное – три раза обошла участок с карабином за плечом. Всё спокойно было.

– Тётя Дуся, вы когда на пенсию пойдёте? Устали, небось, работать?

– Дак я уже на пенсии давно. И чего уставать-то. Поработаю до холодов.

Ночи короткие, тепло ходить на работу и участок обходить. Да и Вовке надо к школе обувку, одежду купить.

Наступает зима, и мы, подростки, опять подступаемся к тётё Дусе с тем же вопросом о заслуженном отдыхе. Ответ обескураживает слушателей.

– Поработаю ещё. Ночи холодные, длинные. Я и высплюсь на дежурстве. А дома-то что делать? Опять же в морозы не надо по пять раз участок обходить.

– А если воры полезут, что будете делать?

– Что там тащить, если только меня, как самую подъёмную. И то вряд ли, я без малого центнер вешу.

Дома сразу же за дела бралась: уборка квартиры, дезинфекция железных коек от клопов, кухонной утвари и мебели от тараканов, которыми кишели наши дома. Эту процедуру она проделывала не реже двух раз в месяц.

Её рассказы о жизни были для нас кладезем мудрости и наставничества.

– Девчонки, – поучала нас тётя Дуся, – до всего допускайте своих парней, до главного не допускайте. И ещё: никогда не назначайте свидание сразу двоим в одно и то же время в одном и том же месте.

И далее следовал её поучительный рассказ из своей молодости. А какой красавицей она была, говорили её фотографии довоенного и послевоенного времени. Просто загляденье... Волосы каштановые, густые и длинные, слегка волнистые, даже с возрастом не потеряли живой блеск. Высокая, статная. Фигурой смахивала на Фаину Раневскую.

Не слышали мы тогда об астрологах. И главным прорицателем в нашем дворе была тётя Дуся. Послунявит свои узловатые пальцы натруженных рук – и ну раскладывать карты да приговаривать, что тебе та знахарка. Её уроки ворожбы я позднее использовала для страждущих любви и счастья в студенческие годы, и позднее – для своих племянниц. Ворожба её была, надо сказать, отменной – цыганки отдыхают. Тётя Дуся являлась хранительницей всех наших сердечных тайн и поклонников. Но не припомню случая, чтобы эти знания она использовала нам во вред. Умела искренне сопереживать.

И всё-таки самой главной заботой и не проходящей любовью был её Вовка, сын от последнего брака, поздний ребёнок.

– Родила я его в дни партийного XX съезда. Пришёл Васька (бывший муж и Вовкин отец) под окна роддома и кричит мне: «Дуся, сегодня разоблачили Сталина, а ты сына родила. Молодец! Партеец будет». А я плачу и отвечаю: «Какой партеец, бандитом вырастет».

– Мне мама говорила: «Дуся, не бери грех на душу, сохрани ребёнка, роди. Девочка будет – хоть на старости лет тебе спину в бане потрёт». А он родился – паразит такой!

– Ох-хо-хоюшки, была б стеклянная, упала б и разбилась. Говорю ему: Вовка, в кино пойдёшь, обуи туфли, вдруг девчонка хорошая встретится. А он, паразит такой, эти советские лапти обуи и пошёл.

– Какие лапти? – спрашиваю.

– Да эти, ну как их – гады.

Так она называла кеды, которые в семидесятые иметь пацанам было шиком, и нашим родителям не наносили они особую брешь в семейном бюджете.

Из всех сестёр и братьев тётя Дуся была старшей в семье, родилась в первые

годы новой – советской – власти. Чтобы как-то помочь семье и быть не обузой а помощницей, её, семилетнюю, отдали в люди – нянькой в интеллигентную семью инженера с большим количеством детей. Как и все малыши, была уверена в своей сметливости, любила всё яркое. Как-то увидав у хозяйки красивый перстень, который та оставила на комод, она сразу же спрятала его у себя в кармане. Ведь никто не видел и не узнает. Вечером за ужином (нянька вместе с семьёй обедала и ужинала, никогда не чувствовала себя ущемлённой) хозяин спрашивает: «Дети, у мамы пропало кольцо, может быть, вы по ошибке взяли посмотреть и забыли вернуть... Если не сможете вспомнить, я перед сном положу вам под подушки палочки, все одинаковой длины. Кто взял кольцо, у того палочка за ночь станет длиннее в два раза». И далее почти по Льву Толстому.

Ну, Дуся умная, её не обманешь, – вспоминала соседка, – с вечера я палочку переломила на две части, одну бросила в печку... Утром хозяин только и сказал: «Дуся, запомни: тайное всегда станет явным. И никогда не бери ничего чужого».

– И как же вас наказали?

– Вот эти его слова и были главным наказанием и наказом для меня. С этими словами я и живу.

Да, в педагогической мудрости и такте Дусяному хозяину не откажешь. С того раннего детства тётя Дуся с придыханием говорила о его детях: «Выучились, стали учителями, анжинерами».

Приходила ко мне и просила, чтобы я написала письма её родственникам, сыну Вовке, когда тот учился в ПТУ и служил в армии. А потом я ей читала ответы.

Сколько любви и нежности было в письмах сына, просьбы беречь своё здоровье, меньше работать, уволиться и отдыхать...

А то приходит взволнованная.

– Я на Вовку карты раскинула: казённый дом ему выпал! Наверное, в тюрьму попал вместо училища, поеду.

Как потом её сын рассказывал: «Иду на перемене в мастерскую на практику, смотрю: моя мамка с нашим мастером идёт. Я к ней: мамка, что случилось? А она – дак с тобой, мне карты показали. Я ей: мамка, тебе карты покажут – и в армию приедешь».

– Нет, в армии за тобой будет круглосуточный досмотр отцов-командиров, а здесь кто о тебе позаботится, кроме мамочки родненькой.

Тётя Дуся – единственная мать, которую я видела радующейся безгранично, когда она получила сообщение о призыве сына в армию. Ну, во-первых, это были ещё только семидесятые годы, о дедовщине тогда матери не слышали, да и отслужившие солдаты об этом не рассказывали, а во-вторых, оставаясь «на воле», слишком вольный подросток мог быстрее ступить на скользкую дорожку, чего так опасалась тётя Дуся.

Ещё большую радость познала она по возвращении Вовки из армии. Пока он служил, восьмиквартирник, в котором мы жили, благополучно сгорел в декабрьскую ночь, аккуратно незадолго до Нового года (как сейчас помню – ёлки выбрасывали из окон). А сама хозяйка была в гостях у одной из сестёр в Ташкенте. Ей сообщили, приехала. Попричитала на пепелище. Но быстро успоко-

илась – надо было готовиться к встрече сына из армии. Бывшие соседи после пожара разъехались по квартирам города, но связь поддерживали. И вот как-то приходит она к нам в гости.

– Маринка, помоги, проведи свадьбу. Мать твоя согласилась платье невесте сшить, я и костюм жениху уже заказала. Мой Вовка женится. Говорю ему: паразит такой, спортил девчонку раньше времени. А он: мамка, я женюсь.

Так и живёт Вовка со своей Надей вот уже четвёртый десяток лет. Как и всех нас, жизнь помотала его семью: БАМ, Наманган, Балаково, вырастил детей, радуется внукам, строит олимпийские объекты в Сочи.

Давно уже душа тёти Дуси смотрит на своего Вовку с небес. И он не подкачал. Будь жива тётя Дуся – порадовалась бы успехам сына. А как он с возрастом стал похож на свою мать – просто «два портрета с одной газеты».

КОМЕДИЯ С ТРАГЕДИЕЙ

Во все времена русский мужик любил выпить, независимо от регалий и положения в обществе. Когда обозначаю «русский», то указываю не национальную принадлежность, а ментальность, привязанную к месту проживания: «Мой адрес – не дом и не улица, мой адрес – Советский Союз».

Случилось это в самый застой – начало семидесятых, когда все верили в своё светлое будущее.

...В очередной раз после заседания партхозактива собрались мужи города отметить это славное дело. «Принято на грудь» было немало. По домам расходились кто как мог. Поскольку городок был маленький, компактный даже по меркам районного масштаба, а городское начальство не было ещё избаловано персональными автомобилями с водителями, то все шли пешком. Кто-то бодренько дошагал до дома. У кого-то хватило сил зайти к полюбовнице, а потом и жену приласкать, чтобы никого не обидеть. Но один «боец алкогольного фронта» всю ночь находился вдали от дома.

...Ранним летним утром его жена побежала к молочнице, у которой брала свежее молоко для ребятишек. Пройдя метров триста, повстречала соседа, почётного пенсионера города. Поздоровались. Время поджигает: хотела грядочку прополоть, завтрак и обед на день сыновьям приготовить. Да и мысли не выходят из головы: где её ненаглядный на этот раз задержался? Ей бы дальше бежать, но сосед, как на грех, не отпускает, стоит, мнётся, что-то сказать хочет, да, видно, стесняется...

– Не серчай, Олимпиада Андреевна... Я это... по-соседски... сказать тебе хочу... Ты только не обижайся на меня, но что-то с твоим Герасимовичем неладное творится. Ты бы присмотрела за ним...

– Да что с ним творится. Весь в делах да попойках. Сегодня опять не ночевал дома, наверное, к какой-нибудь налево завернул – заблудился! – ответила Андреевна. И собралась уже было бежать дальше.

– Да нет, не у полюбовницы он, а ещё непонятнее... Спит он...

– Пусть себе спит! Проспится – придёт, – в сердцах воскликнула женщина.

– Только поза у него какая-то странная для сна, да и место неподходящее, – не унимается вездливый сосед.

– Ну что там ещё, говори быстрее, а то вон как солнце высоко поднялось.

А сама подумала: уж не хитрит ли сосед. Когда-то при наличии здоровья и сам был не прочь опрокинуть стопку-другую с её ненаглядным.

– Да пойдём, сама посмотришь, – наконец произнёс он фразу, ради которой и остановился.

Прошли они совсем немного. Вот и ограда, отлитая мастерами чугунных дел ещё в тридцатые годы, с серпом и молотом и прочими атрибутами советской символики. И только в десяти метрах от ограды, в густых зарослях лопухов и тополей увидела до боли знакомые брюки, натянутые на филейную часть её мужа. Стоял он на коленях, с просунутой между чугунными прутьями ограды головой, которую неудобно примостил на горизонтальной перекладине, и... спал, похрапывая.

Гамма эмоций пробежала по лицу жены: от стыда, безразличности до ярости и негодования. Но делать нечего...

Вернулась домой, вызвала по телефону аварийную службу, сообщила на работу мужу, а заодно и на свою, что задерживаются, мол. И, захватив в бутылке из-под растительного масла воды, вернулась к горемыке. Он по-прежнему сладко посапывал, не поменяв позы. Разбудила его, напоила водой. Дождались спасателей, которые высвободили из заточения мужа, распилив прутья ограды.

Солнце уже высоко поднялось. Проходят мимо горожане, спешат на работу, в детские сады с ребятишками, спортсмены бегут на тренировки, бабушки вышли на солнышке погреться, обсудить события в стране, мире и в соседнем дворе. Последние их особенно интересовали.

А вот и тема для обсуждения образовалась...

– Я была готова со стыда провалиться, – вспоминала позднее Андреевна, горестно вздыхая.

Как потом, посмеиваясь, рассказывал наш герой, чувствуя себя в центре внимания, он уже прошёл ворота той злополучной ограды, но засмотрелся на красавицу луну, которая зазывно висела на небосклоне. Вспомнил, как проводил такие же лунные ночи со своей ненаглядной женой. Голова закружилась, и он, потеряв ориентацию в пространстве, повернулся в сторону ограды и начал искать в ней проход. Долго искал, всё больше удаляясь от ворот. Не найдя его, пошёл напролом, то есть сквозь ограждение. Имея большие уши, прижатые к лицевой части и оттопыренные в затылочной, он просунул голову через ограждение без особого труда. А туловище не прошло. Назад, да не тут-то было: уши не пускают. Ограда для крепости была зафиксирована горизонтальными стяжками вверху и внизу. Поэтому, как ни пытался, но самостоятельно выбраться Герасимович из невольного заточения не смог. На рассвете его сморил сон... Он так и спал до прихода жены. А горожане проходили мимо, стыдливо отворачиваясь и не решаясь разбудить «слугу народа»...

До самого развала СССР простояла ограда с зияющим проёмом, пока не утащили её на металлолом «чёрные искатели». И всякий раз, проходя мимо, свидетели тех событий вспоминали эту «комедию с трагедией», пересказывая её тем, кто был рядом.

Р. С. Кстати, повестка того партхозактива звучала не иначе, как «Борьба с пьянством на рабочих местах».

ДЕД МИЛЮНОК

Жили в нашем дворе Милюнковы: баба Мотя и дед Ефим, или, как его звали во дворе, дед Милюнко. Участвовал дед в боях Великой Отечественной, за что был награждён медалями, и на всё имел суждение. Непомерно любил своих внуков. Оригинально подписывал поздравительные открытки. Одну из них мне довелось читать. На день рождения ещё не читающему пятилетнему внуку дед подарил открытку с изображением эпизода из басни дедушки Крылова «Обоз» и напечатанными выдержками из басни:

*С горшками шёл обоз,
И надобно с крутой горы спускаться.*

.....
*А лошадь сверху, молодая:
«Не бойсь, минуты не потратим,
И возик свой мы не свезём, а скатим!».*
*По камням, рывинам пошли толчки, скачки,
Левей, левей, и с возом – бух! в канаву!
Прощай, хозяйские горшки!*

Дед далее дописал буквально следующее: «Вова, смотри: *ентот* конь все горшки побил. С днём рождения, внучок, слушайся маму, чтобы горшки не бить».

Или вот ещё. Приходит дед Милюнко в военкомат накануне Дня Победы с заявлением о том, чтобы ему старые военные награды поменяли на новые:

– Я знаю, что за тридцать лет награды изнашиваются, их надо заменить на новые.

Ушёл, обескураженный отказом. И ещё долго в разговоре с обидой вещал, как для него – Солдата – не досталось новых наград.

– Офицеры, наверное, получили, – добавлял он с укоризной.

А уж как баба Мотя оберегала мужнину верность. Ради этого даже счастьем дочери пожертвовала.

– Нюра, ну как же ты уедешь со своим мужиком от меня?! А кто тятю будет караулить? Знаешь на него сколько охотниц, одна-то я за всеми товарками не усмотрю, – причитала мать, когда узнала, что мужа дочери по зову партии направляют на шахты Кузбасса рубить уголь.

Так и осталась Нюра охранять тятю, чтобы тот не убёг к солдатским вдовам от матери.

Ей бы, Нюре, о сохранении своей семьи подумать – на дворе конец сороковых, максимальное обострение дефицита мужского населения в стране, на руках двухлетний сынок Витюшка. Но святость родительского послушания была на высоте, а любовь – без затей. Так и расстались. Нюра позже вышла замуж за холостяка, родила троих детей. Но, как и прежде, при любом поползновении тяти «на сторону» бежала возвращать его в семейное гнездо. Как ей это удавалось – до сих пор остаётся загадкой. Может быть, это простая женская податливость и угодливость перед мужчинами, а может быть... женская мудрость.

Но, вернее всего, третье – к моменту моего знакомства с супругами осталась только ревность жены, а желание «сходить на сторону» у деда только на языке. Тем самым он жену в тонусе держал. Однако это на семейном бюджете не сказывалось. Был дед Милюнок знатный краснодеревщик. Строгал-пилил, из-под его рук выходили лёгкие навесные шкафчики-буфеты, кухонные столы. В стране с мебелью напряжёнка, и все в округе шли к мастеру на поклон, чтобы заполучить кухонную, да и не только, мебель. Вдовы по понятным причинам не могли обратиться напрямую к соседу, поэтому прибегали за помощью к замужним. И уже через них получали желаемую мебель. А баба Мотя всё удивлялась:

– И что вы делаете со своей кухонной мебелью? Так быстро у вас ломаются шкафы, столы, сделанные моим дедом. За год уже третий раз заказываете.

Об этой житейской хитрости знали все в округе, даже дети и внуки Милюковых. Но молчали, берегли бабушкины нервы. Да и не были лишними «тройка», «пятёрка» в семейном бюджете советских пенсионеров, при дедовой пенсии участника войны в 43 рубля 34 копейки. А хозяйка, имея только колхозный стаж, получала 12 рублей 62 копейки.